Глобальная массовая культура и культурное разнообразие

Традиционно, и это отражено почти во всех национальных докладах по культурному разнообразию, подготовленных в рамках программы Совета Европы¹, подчеркивается плюрализм культур. Каждая культура отражает обычаи и ценности определенной группы, которая рассматривает себя как отличную от других, с точки зрения культуры. В рамках упомянутого проекта предметное поле более или менее ограничено этническими группами. В то же время культурное разнообразие, несомненно, имеет много других аспектов: территориальный (местная или региональная культура, будь то обширный регион – Европа, Ближний Восток, Латинская Америка – или та или иная часть Европы как субнациональное образование), религиозный, лингвистический, гендерный, социодемографический, наднациональный (ЕС).

Традиционное большинство и новые меньшинства

Традиционные большинство и меньшинства исконно определяются по признаку совместного проживания. Новые культурные общности проявляют себя не только в медиальных структурах (каналы меньшинств в Германии, например), но и многими другими способами, создаваемыми ими. Наиболее выразительным примером этой новейшей тенденции являются транслокальные культурные сообщества, множачиеся и развивающиеся в Интернете.

Другой аспект сложных взаимоотношений между средствами массовой информации и обществом – культурное разнообразие внутри глобальной массовой культуры. С этой точки зрения, превращение внешних отношений во внутренние и процессы коммуникации стали гораздо более сложными. Ключевым является незначительное различие между терминами *популярный* и *массовый*.

Есть разные виды популярной культуры: балканская культура и в ее рамках хорватская культура; есть популярная культура в России и в отдельных регионах России, во Франции, в Бургундии, Эльзасе или вокруг Марселя.

¹ См. http://www.coe.int/T/E/Cultural_Co-operation/Culture/Cultural_policies/Comparative_reviews/

Каждый раз, когда имеет место обращение к чувствам простых, а не только образованных людей, это можно назвать популярным. Поэтому можно сказать, что в мире существуют разные популярные культуры, и они стремятся наладить диалог друг с другом. Когда же европейцы говорят *массовая культура*, они обычно подразумевают ужасный призрак американизации, который угрожает людям во всем мире; неизвестно, как с ним бороться, как противодействовать его «отрицательным» последствиям. Глобализация при этом понимается как культурная унификация.

Существуют разные точки зрения. Некоторые исследователи не считают *массовую культуру* гомогенным феноменом, но она обладает унифицирующей силой – имеет тенденцию распространяться по всему земному шару, апеллирует к представителям всех возрастов, всех социальных слоев, иначе говоря, стремится к универсальности. Конечно, в действительности она никогда не преуспевает, безотносительно того, о какой бы ее части не шла речь, – о музыкальном хите, блокбастере или звезде. Однако благодаря своему разнообразию (которого никогда не достигнет никакая популярная или даже «высокая» культура), благодаря способности очень быстро переключать с одной мелодии, публичной персоны или бестселлера на другой, массовая культура непрерывно приспосабливается к разным типам аудитории, объединяя их в более или менее глобальную сеть. Здесь не случайно использовано слово «сеть», потому что каждый, по крайней мере, в Европе (Западной и Восточной) говорит об организации сетей. Однако, существует огромная дистанция между сетевой организацией культурной политики, устанавливающей связи между группами интеллектуалов, и потенциальной глобальностью телевизионных сетей или киберпространства, включая все – от видеоигр до Всемирной Паутины. Массовая культура управляется импульсами, главным из которых является коммерческий импульс – максимизация прибыли. Чтобы сделать это, вы должны максимизировать аудиторию, то есть суметь найти общий знаменатель для населения всего земного шара.

Население разделяется на группы и, как уже сказано выше, каждая из них имеет свою собственную популярную культуру. Они формируют закрытые миры, даже если между ними существует некоторая взаимосвязь. Племенная культура Африки и российская традиционная фольклорная культура могут быть

связаны группами туристов, посещающих ту и другую. Но интеграции между ними отсутствует. Фактически, по разным причинам такая интеграция невозможна. Эти два вида популярной культуры недостаточно близки друг другу, чтобы установить реальный диалог.

Помимо названных, существует, конечно, огромное множество локальных популярных культур. Каковы их отношения с глобальной массовой культурой? Большинство этих локальных культур не имеет шансов внедриться в глобальные медиасети. Но иногда такое случается. В Алжире есть местный вид популярной музыки, посвященный главным образом любви и сексу и называемый *раи*. И этот «региональный продукт», который не особенно популярен даже в Северной Африке, почти случайно попал в глобальную массовую культуру и некоторое время был ее составляющей. Частично это можно объяснить тем фактом, что людей больше всего интересуют секс и насилие. Но почему именно раи, или рэгги, или ламбада? Ламбаду я впервые услышал в Твери, и там же узнал, что ламбаду танцуют во всем мире. Популярная мелодия из Латинской Америки звучала в небольшом российском городке только потому, что стала действительно универсальным глобальным явлением. Конечно, в Латинской Америке есть тысячи танцев кроме ламбады. А в Северной Африке наряду с раи существуют различные виды популярной музыки, которые никогда не были востребованы или не преуспели в том, чтобы стать частью массовой культуры. Случается, что массовая культура может адаптировать их и найти способ интегрировать эти феномены популярной культуры, и вот уже диалог между рэгги, раи и ламбадой налаживается где-нибудь на европейской территории. Этот вид диалога существенно отличается от традиционных поездок художников или туристов. В глобальных сетях эти феномены оказываются не экзотическими, но равными.

Другая проблема – отношения между массовой культурой и субкультурами, включая не только региональные или национальные, но и «высокую», «молодежную», культуру «меньшинств» и т. д. Эти и другие субкультуры имеют также тенденцию превращения в замкнутые миры. Они явно не хотят быть частью массовой медиасети, а скорее тяготеют к культурной идентичности.

Восток и Запад: противоречия и сходство

Внимание исследователей в СНГ сосредоточено на проблемах, типичных для постсоветского пространства. Немногим отличающийся набор проблем представляет особый интерес для Балтийских государств и стран Восточной и Центральной Европы. Обе эти группы государств переживают переход от жесткого партийного и государственного регулирования в сфере экономики и идеологии к рыночному типу развития. Интересно то, что сходство подходов интеллектуалов с Востока и Запада свидетельствует об их одинаковой обеспокоенности глобализацией. При этом большинство западных исследователей культурной политики, работающих в сфере общих проблем Европейской культуры, жалуется на недостаток информации о государствах, переживающих переходный период. Восточноевропейские ученые, пробуя определить возможные «сценарии» культурного развития в своих странах, вынуждены выбирать между местной идентичностью и необходимостью глобализации.

Многие интеллектуалы и художники, особенно в России, указывают на противоречие между «диким» капитализмом, господствующим в мире, и фундаментальными культурными ценностями, в соответствии с которыми все еще живет большинство стран. Это объясняет то, почему противоречиям между культурным и экономическим развитием придается такое значение. Члены Российской Академии наук, особенно литературоведы и искусствоведы, пессимистически оценивают культурное развитие в современной России, считая, что дикий рынок убивает истинную культуру. Многие интеллектуалы и художники, не только с Востока, но и с Запада, солидарны с этой точкой зрения. Экономисты и политики, напротив, концентрируются на отсутствии фундаментальных противоречий между культурой и текущим развитием, экономикой культуры и глобальной и местной рыночной экономикой. Иногда в качестве панацеи рассматривается религиозное возрождение. Представители нескольких религий – православия, католичества, ислама и даже буддизма – обычно недостаточно тесно связаны с текущими проблемами. Ясно, что для них рассмотрение традиций как независимых от развития и разнообразия является недопустимым. Национальная политика культурной автономии не решала всех проблем мусульманских общин в России, но помогла смягчать некоторые

конфликты, поскольку, как подчеркивают представители российского министерства культуры, в стране нет культурной сегрегации мусульман, о чем свидетельствуют, например, Дни татарской культуры в Москве. Более всестороннее представление об этнических, религиозных и культурных традициях в связи с противоречиями индустриального и постиндустриального развития дается в скандинавских исследованиях, посвященных верованиям и судьбе скандинавских аборигенов. Их тысячелетний опыт общения с природой весьма важен для формирования концепции устойчивого развития.

Многие исследования посвящены этническим конфликтам на территории Восточной и Центральной Европы и СНГ и их связям с культурой. Недавно закончившиеся и все еще ведущиеся войны иногда рассматриваются как результат не культурных, а чисто политических конфликтов, где культура использовалась как аргумент. Подчеркивается роль культурных противоречий между борющимися режимами. Большинство ученых отказывается признавать культурные корни существующих конфликтов, концентрируясь главным образом на их экономических, политических и военных аспектах. Внимательное изучение основных тенденций и местной специфики различных изменений позволяет выявить не только культурный плюрализм, но и сценарии будущего развития для стран Центральной и Восточной Европы в связи с теорией мультикультурализма. Основное здесь – проблема культурной адаптации. Большинство исследователей придерживается мнения о невозможности автоматической адаптации к западным стандартам. Неадаптированность или радикальный отказ от модернизации заводит в тупик. Что касается двух других сценариев – *селективной адаптации* и *ко-адаптации* или модернизации конвергентного типа – их результаты зависят от специфической для каждой страны комбинации ведущей национальной культуры и культуры меньшинств, а также их взаимосвязи, проясняющей трудности перехода. Для каждого из этих случаев предложены различные варианты политики.

Варианты политики

Главная проблема, затрагиваемая почти в каждой книге или статье, это неизбежность адаптации модернизационной политики к местным культурным традициям и стандартам, включая культуры меньшинств и большинства.

Неоднократно подчеркивалась необходимость использовать весь положительный опыт контактов с природой (например, в северных культурах) для достижения устойчивого развития.

Одна из основных отличительных черт работ восточноевропейских ученых, присущих им в большей степени, чем западным публикациям о Восточной Европе, – утверждение о полезности интеграции в рыночную экономику некоторых положительных черт государственной культурной политики коммунистического периода. Большинство исследователей полагает, что некоторые виды политики протекционизма все еще необходимы для сохранения культурной идентичности. Экономические трудности переходного периода обусловили высокий уровень государственной поддержки не только традиционной и классической культуры, но также и культурной индустрии, и средств массовой информации.

Основным ориентиром культурной политики и политики развития не должно стать существующее государство так называемого развитого мира, но его следующая стадия – информационное и даже постинформационное общество, где роль культуры резко возрастет. Это не специфически европейская проблема. Большинство представителей традиционных групп чувствует, что массовая культура фальсифицирует их наследие, ценности и стремления.

В качестве примера можно привести Японию. Международная массовая культура восприняла восточные военные искусства и традиции ниндзя, вошедшие в литературу и в кино. Они стали одним из наиболее популярных мифов в боевиках. Для японцев такое обращение с тайным учением совершенно недопустимо. В японском прокате слово *ниндзя* убрали из названий боевиков. В этом и многих других случаях субкультура, вместо того, чтобы гордиться получением доступа в медийное пространство, устыдилась трансформаций, которые ее ценности претерпели в медийных сетях.

Подобное утверждение хорошо иллюстрирует популярный американский фильм «Юные черепашки-мутанты ниндзя». История, придуманная французом на основе японского материала, впервые вышла на экраны в виде мультипликационного сериала. У черепашек имена европейских классиков: Донателло, Микеланджело, Леонардо и Рафаэль. Это показывает, что массовая

культура не есть исключительно американское явление, как думают некоторые европейцы.

Сама же североамериканская культура представляет собой симбиоз многих культур: индейской и африканской, европейской и – во все большей степени – азиатской. В Калифорнии, признанном мировом центре индустрии развлечений, почти 30 % населения имеют азиатское происхождение, белые составляют менее 50% населения. Плавающий котел Нового континента стал основанием для межкультурного полилога. Новые технологии связи перемещают его на универсальный уровень. Именно поэтому массовая культура так легко приспосабливается к различным культурам повсюду в мире.

На разных встречах и конференциях европейцы постоянно жалуются, что американская массовая культура, Macdonald's и Coca-Cola убивают нас. Что может случиться с многовековой европейской культурой? Необходимо напомнить, что на самом высоком уровне того, что воспринимается как *американская массовая культура*, всегда можно найти европейцев. Ограничиваясь лишь Голливудом, можно привести в пример австрийца Арнольда Шварценеггера, итальянца Сильвестра Сталлоне, голландца Пола Верховена, бельгийца Жан-Клода Ван Дамма. И это очень важно учитывать, если действительно есть интерес к диалогу. Культурное разнообразие, к которому стремится мир, может быть достигнуто, в частности, и таким путем.

Почему вышеперечисленные кинематографисты, рожденные и выросшие в Европе (за исключением Сталлоне), переехали в США? По простой причине: их искусство не было достойным образом оценено в Европе, где культурные элиты, мечтающие о соревновании с США и презирающие массовую культуру, достаточно мощны, чтобы не допустить ее расцвета.

Вот так мировая массовая культура через Калифорнию становится все более азиатской или европейской. Она превращается в пространство диалога между компонентами, выросшими из различных традиций и корней.